

07 2 2 6 5 5 -1

На правах рукописи

Борсяков Юрий Иванович

**ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
КАК ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2001

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии экономики и права Московского педагогического государственного университета.

Научный консультант   доктор философских наук,
профессор Микешина Л.А.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Кузнецов В.Г.
доктор философских наук,
профессор Лошкин А.Н.
доктор философских наук,
профессор Кайдаков С.В.

Ведущая организация

Московский государственный технический университет (МАМИ)

Защита состоится 17/IX 2001 г. в 5⁰⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 212. 154. 06 в Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 117571, Москва,
пр-кт Вернадского д.88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Московского педагогического государственного университета по адресу:
119882, Москва, Малая Пироговская ул. д.1.

Автореферат разослан 28.06. 2001 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Михайлов В.В.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000052405

Актуальность темы исследования.

Философия познания стоит перед проблемой отношения к традиции, представленной прежде всего Декартом и Кантом и отражающей классический тип рациональности. Должна ли эта рациональность быть окончательно преодолена и отброшена, на чем настаивали Л. Витгенштейн, М.Хайдеггер, Ж. Деррида, или будет во многом переосмысленной, переоцененной и существенно дополненной?

Дильтевская дихотомия «науки о природе – науки о духе» задала концептуальные рамки философской рефлексии над природой гуманитарных наук. Проблема в общем виде была сформулирована следующим образом: объект гуманитарных наук принципиально отличен от объекта естественных наук; соответственно, и методология изучения этого объекта специфична. Иными словами, гуманитарные науки суть особого рода науки. Объект гуманитарных наук – человеческое общество и культура в их историческом бытии – результат и одновременно поле деятельности людей, обладающих сознанием и волей. Это означает, во-первых, что феномены, исследуемые гуманитарными науками, уникальны и ценны именно в их историко-культурной неповторимости; следовательно, естественнонаучные методы в гуманитарных науках неприменимы, что проблематизирует эмпирическое обоснование знания, выведение законов и построение теории в этой сфере. Во-вторых, социокультурная действительность – сфера объективации содержания человеческого сознания (представлений, эмоций, целей), то есть, царство смыслов, а это означает, что требуется особая методология выявления и раскрытия смыслов и значений культурных феноменов, отсутствующая в арсенале естествознания. В-третьих, гуманитарные науки принципиально не свободны от оценочности: их выводы всегда ценностно нагружены. Будучи формой самопознания общества и культуры, они оказываются в самом средоточии моральных, политических и идеологических проблем.

С другой стороны, осознается связь естествознания с той целостной социально-культурной системой, в рамках которой оно существует и развивается, с общими целями и ценностями человеческого бытия. В результате выявляется ограниченность классического образа естественнонаучного знания как ценностно и мировоззренчески нейтрального поиска истины. Это знание все интенсивнее вступает в диалог и взаимодействие с социально-гуманитарным знанием, с этическим отношением человека к миру.

От идеи «универсальной математики» Декарта вплоть до «унифицированной науки» неопозитивистов проходит замысел преобразования всей сферы человеческого знания по образу и подобию лидирующих естественнонаучных дисциплин. Этот замысел так и остался нереализованным, однако его методологические идеи дают о себе знать во многих рассуждениях о соотношении естественных и гуманитарных наук и их связях. Еще нередко

отстаивается образ методологически единой науки, а гуманитарные науки оцениваются лишь с точки зрения их отклонений от этого образа.

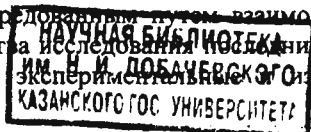
Однако в настоящее время разнообразие форм знания вряд ли может рассматриваться как недостаток, который должен быть преодолен. Абсолютистские гносеологические каноны, поддерживающие идею унификации знания, обнаружили свою явную несостоятельность. Осознается ценность и незаменимость всех видов человеческого знания. В этой связи необходимо расширение гносеологической тематики, включение в нее всего многообразия феноменов знания, в том числе и гуманитарного. Разумеется, при этом теория познания не должна отходить и от традиционных проблем, ведь в ее задачи входит не только понимание и описание феноменов познания, но их объяснение, оценка, проверка их претензий на истинность, объективность и рациональность.

В философских основаниях классической физики постулировалось абсолютное разделение объекта и субъекта познания, релятивистская физика исходит из признания зависимости описания физических объектов от определенных условий познания (учет состояния движения систем отсчета при постоянстве скорости света в вакууме), а кантовая физика учитывает еще и существенное влияние средств исследователя на объекты исследования. В философских основаниях физики XX в. формируется понятие объекта исследования «неклассического» типа, то есть такого объекта, связью которого со средствами исследования уже нельзя пренебречь. Это по сути дела означает, что если в классической физике исходная предпосылка физического познания (признание объективного существования физического мира) и утверждение об абсолютном характере исследуемых физических явлений отождествляются, то в физике XX в. эти положения рассматриваются как разные предпосылки, причем справедливость положения об абсолютном характере исследуемых физических явлений подвергается сомнению.

Другая сторона познавательного отношения – субъект познания, «субъективные моменты» в познавательном процессе, формы проявления активности познающего человека – в философских основаниях современной физики характеризуется с помощью таких понятий, как «наблюдатель (исследователь)» и «условия познания».

«Наблюдатель» – это представитель человеческого общества, преобразующий физический мир с помощью экспериментальных и теоретических средств в соответствии с потребностями общества. Он является носителем сознательных целей, решает определенные задачи, обладает «внутренним опытом», как осознанным синтезом всей предыдущей познавательной деятельности человеческого общества, способностью наблюдать и преобразовывать окружающие вещи и процессы и мыслить.

Под «условиями познания» на уровне эксперимента подразумевается определенный «фон» протекания исследуемых наблюдателем физических процессов, который опосредованно, путем взаимодействия с физическими объектами, а также средствами исследования (посредник, орудия – посредники, а именно система отсчета, экспериментальные и измерительные устройства,

сконструированные исследователем на основе определенных теоретических предпосылок. Соответственно под «условиями познания» на теоретическом уровне понимается функционирующий в данной научной дисциплине «язык наблюдений», а также научный фон и средства развертывания и интерпретации теоретических систем; исходное знание, необходимое для построения каждой отдельно взятой теории, включая философские и логические предпосылки, наглядные образы и модели, проверенные опытом фундаментальные физические теории – классическая механика, термодинамика, специальная теория относительности и др., эвристические принципы, например, соответствия, дополненности, фундаментальные понятия – масса; энергия, импульс и др., условия, нормы и идеалы построения знания.

Развитие физики в XX в. привело к раскрытию специфической формы проявления активности субъекта познания, что получило выражение в существенном изменении понятия исходного базиса теоретического знания и в появлении в концептуальной системе этой науки нового понятия – «физическая реальность». И если понятие «природа», или «физический мир», характеризует источник любого естественнонаучного познания, то понятие «физическая реальность» относится к конкретным формам данности этой природы исследователю при различных условиях познания.

Историзм объектов современного естествознания и рефлексия над ценностными основаниями исследования сближает естественные и гуманитарные науки. Их противопоставление, справедливое для науки XIX века, в наше время во многом утрачивают свою значимость.

На классическом этапе своего развития наука находила опору только в ценностях техногенной цивилизации и отвергала как противоречащие ей ценности традиционалистских культур. Неклассическая наука значительно расширяет поле возможных мировоззренческих смыслов, с которыми согласуются ее достижения. Она включена в современные процессы решения проблем глобального характера и выбора жизненных стратегий человечества. Неклассическая наука воплощает идеалы «открытой рациональности», по В.С. Швыреву, и активно участвует в поисках новых мировоззренческих ориентиров, определяющих стратегии современного цивилизационного развития.

Различие открытой и закрытой рациональности в своей основе связано с различными способами работы с концептуальными конструкциями рационального сознания.

«Открытая» рациональность предполагает установку на выход за пределы фиксированной готовой системы исходных познавательных координат и рамки жестких конструкций, ограниченных заданными предпосылками. Обязательным условием рационально-познавательной деятельности в режиме «открытой» рациональности является установка на критический рефлексивный анализ имеющихся исходных предпосылок рационального сознания, выявление границ их познавательных возможностей и, тем самым, открытие новых перспектив рационально-познавательной деятельности, горизонтов постижения реальности на ее основе.

В познавательной деятельности «закрытая» рациональность проявляется, таким образом, в утверждении определенной концептуальной позиции, в ее разработке, в ее распространении. В контексте же практической деятельности «закрытая» рациональность выступает как идеальный план практики, ее программ и оказывается связанной с целесообразностью этой деятельности, с ее направленностью на определенный зафиксированный конечный итог. Творческий конструктивный момент такого рода рациональности проявляется не в целеполагании, то есть поиске и нахождении ориентиров деятельности – они рассматриваются как нечто непреложное, заданное, – а в отыскании наиболее эффективных путей и средств достижения цели.

Если закрытая рациональность предполагает целесообразную деятельность, то открытая рациональность оказывается связанной со сферой целеполагания. Именно вокруг возможностей рационального анализа целеполагания, роли рациональности в этом процессе, необходимо связанным со свободой и творчеством, прорывом в новые горизонты человеческого мироотношения, и концентрируются принципиальные споры относительно рациональности культуры, ее экзистенциальной значимости.

Классическая рациональность рассматривает предмет как естественный, существующий помимо человека и его сознания объект, свойства и отношения которого призвана проследить рациональная мысль. Кант вводит этот классический предмет рациональности в более широкий контекст. Предмет начинает рассматриваться как некая мыслительная конструкция, порождаемая при помощи некоторых средств, предпосылок и установок субъекта. Тем самым реальностью, предметностью, на которую направлена рефлексия философской рациональности, становится отношение человека к миру, взятое относительно этих «конечных» средств, предпосылок и установок. Исходная для всякого рационального сознания задача адекватного постижения реального положения дел сохраняется, но существенным образом трансформируется. Пафос адекватности «вписывания» в реальность в ее подлинности, присущий в принципе рациональности, связывается, таким образом, не просто с идеалом воспроизведения в мысли предстоящего субъекту бытия, а по возможности наиболее точной рефлексивной фиксацией специфики той реальной позиции, в которой оказывается субъект в своем отношении к миру, в который он включен. Можно сказать, что тем самым меняется «онтология рациональности», образ того «бытия», на которое направлена рациональная мысль.

Охарактеризованное изменение рациональности, ее онтологии и составляет, на наш взгляд, принципиальное различие между классической и неклассической рациональностью. (Здесь и далее под понятием неклассической рациональности понимаются все формы рациональности, которые выходят за пределы классической рациональности). Субъективность в ее «конечности», определенности и вместе с тем условности, относительности, ограниченности ее возможностей, иными словами, так называемое человеческое измерение выступает в качестве необходимого, неустранимого фактора рационально-рефлексивной оценки реальной ситуации. Исходной реальностью, с которой

имеет дело неклассическая рациональность, является проблемная ситуация, в которой наряду с объективной составляющей обязательно присутствует и субъективная составляющая, возможности которой также, насколько это возможно, должны учитываться рационально-рефлексивным сознанием. Классическая рациональность, если смотреть на нее с позиций, достигнутых неклассической рациональностью, выступает как предельный случай последней, когда мы абстрагируемся от обусловленности конструктивных возможностей работы в проблемной ситуации специфическим потенциалом «человеческого измерения», полагая, что рациональному анализу подлежит только объективная составляющая проблемной ситуации.

Резкое противопоставление естественнонаучного познания гуманитарному возможно лишь, если мы примем методологические притязания логического позитивизма. Тот образ науки, который рисуют его представители, действительно ведет к дихотомии строгого методического знания и зыбкой сферы интуитивного понимания. Если учесть постпозитивистскую критику философско-методологических идей логического позитивизма, то критика не будет уже столь контрастной. Строгий метод окажется тогда, выражаясь кантовским языком, лишь "регулятивной идеей" естественнонаучного разума, методологическим идеалом, лишь частично воплощенным в действительной практике науки.

Можно заключить, что скорее гуманитарное знание является парадигмой человеческого знания вообще, а естествознание, по-видимому, - частный случай человеческого познания, как строгое знание, возможное лишь в весьма узких границах четко зафиксированных предпосылок, критериев и норм, которые невозможно распространить на познание в целом.

Естествознание, а не только гуманитарные науки, также оказывается в мире, где есть риск и возможность выбора, а с ними - этическая ответственность. С учетом этого сегодня начинает складываться более общее понимание науки вообще, выходящее за пределы прошлых культурных традиций западной цивилизации. Эта тенденция усиливается обращением к другим – вненаучным формам знания.

Все эти моменты, которые так или иначе обсуждаются в рамках современной гносеологии и философии науки, определяют актуальность данного исследования.

Степень разработанности проблемы.

Вопрос об особенностях естественнонаучного и гуманитарного знания неявно возник еще в эпоху Возрождения, когда гуманитарные науки стали обретать свои дисциплинарные и предметные очертания.

Позже этот вопрос поднимался в философских системах Ф.Бэкона и Р.Декарта, Дж.Вико и И.Гердера, затем в герменевтике Ф.Шлейермахера. Насущная необходимость методологического обоснования гуманитарных наук (наук о духе, наук о культуре) стимулировала исследовательскую деятельность В.Дильтея и баденских неокантианцев В.Виндельбанда и Г.Риккерта. Однако в своей работе они столкнулись с необходимостью: прояснения онтологического

статуса объектов гуманитарного знания. Были представлены два варианта. Вариант Риккерта основывался на категориях ценности и вариант Дильтея - на понятиях, связанных с внутренним духовным опытом человека и категорией жизни.

Затем появляются целые философские направления (герменевтика, экзистенциализм, структурализм), ставящие перед собой цель изучения широкого круга гуманитарных проблем, в том числе проблемы взаимодействия естественных и гуманитарных наук, т.е. знания о человеке, его месте в процессе познания.

В последние десятилетия интерес к проблеме взаимодействия естественных и гуманитарных наук повысился у естествоиспытателей, и у философов науки. Подтверждением этому могут служить постоянное внимание В. Гейзенберга к анализу роли традиций и мировоззрения в науке, Д. Боме – к анализу вклада естественного языка в формирование физических понятий, Дж.А. Уилера – к исследованию роли субъективности в структуре физической реальности и физического познания, современное распространение антропного принципа в космологии, концепция логики социальных наук К. Поппера, анализ метафоры М. Хессе, концепция восприятия как «чтения текстов» П.Хилена.

В контексте критики позитивистской и постпозитивистской философии науки философы феноменологического направления Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х. – Г. Гадамер, М. Мерло-Понти, П. Рикер считают естественные науки внеисторическими, их метод – теоретическим конструированием принципиально ненаблюдаемых объектов, приводящим к фиктивному представлению о реальности. На этих и других основаниях они даже исключают естественные науки из сферы духовной культуры человечества.

С позиции научного реализма специфика естественных и гуманитарных наук рассматривается в работах Р. Бхаскара, М. Бунге, В. Ньютона-Смита, Н. Решара, Ш. Ханта, И. Шефлера и др. Эта тема активно разрабатывается сторонниками неопиризма Дж. Гринвудом, Дж. Фодором, Д. Шейпиrom.

Можно отметить попытки неонатурализма (питаемого куайновской программой натурализованной эпистемологии) смягчить эмпирицистский стандарт научности, что позволило бы обосновать научность гуманитарных дисциплин, -- работы А. Вайды, Х. Хинкейда, П. Китчера, Р. Ричардса, У. Селмона, И. Элстера и др.

В последнее время в западной философии науки активно ведутся поиски новой доктрины, обосновывающей гуманитарное познание, призванной заменить лингвистический подход. Намечаются тенденции выдвижения на эту роль общей теории сознания, построенной на базе новейших исследований в когнитивной психологии, нейро-лингвистике и науке об искусственном интеллекте. Этот подход просматривается в работах Д. Годда, П. Ливингстона, Э. Мастерса и др.

Постановка и решение проблемы гуманитарного знания, соотношения такого знания с естественнонаучным в рамках логики научного исследования присутствует в работах отечественных философов. Начиная с 60-х годов,

советские исследователи пытаются решать эту проблему в рамках общей теории познания. Это работы Г.А. Геворкяна, Э.В. Ильенкова, П.В. Копнина, Г.Д. Левина, Т.И. Ойзермана, Э.М. Чудинова, П.С. Заботина, Д.П. Горского, Б.С. Грязнова, В.А. Лекторского, В.К. Лукашевича, В.И. Метлова, М.В. Мостепаненко, Е.П. Никитина, А.И. Ракитова, Г.М. Рузавина, В.С. Степина, В.С. Швырева, Б.Г. Юдина и др.

Рассматривая проблему взаимодействия естественных и гуманитарных наук в отечественной философской литературе, необходимо выделить две категории работ, отличающихся как по времени написания, так и в концептуальном плане. Это - марксистская традиция, которая пыталась обосновать единство естественных и гуманитарных наук, исходя из универсальности материалистической диалектики как общего для всех наук метода. В качестве онтологической предпосылки единства наук выдвигался тезис о неразрывности системы «человек – природа», «гуманистические ценности соотносятся с целями естественнонаучного познания» (П.Д. Тищенко, Р.С. Карпинская). Существовали попытки экспликации примененной Марксом в "Капитале" методологии и творческого анализа ее плодотворности в гуманитарных науках, в осмыслении истории. Здесь можно отметить работы Г.М. Иванова, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова и др.

Решение этой проблемы в традициях диалогичности понимания как основного метода гуманитарного познания можно найти в работах М.М. Бахтина, В.Л. Махлина, идеи которых близки к герменевтике Х.-Г. Гадамера.

Анализ гуманитарного знания становится актуальным в работах отечественных философов в последнее десятилетие. Этот анализ просматривается в трудах П.П. Гайдено, М. Мамардашвили, Л.А. Микешинной, В.Г. Кузнецова Н.В. Мотрошиловой, А.П. Огурцова, К.А. Свасьяна, И.Т. Касавина, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса, В.А. Лекторского, В.С. Степина и Б.И. Пружинина.

Средствами современной логики варианты решения этой проблемы представлены в работах А.Л. Блинова, И.Н. Грифцовой, Н.В. Зайцевой, Р.И. Павилениса, К.Ф. Самохвалова, Г.В. Сориной, З.А. Сокулера и др.

Сегодня традиционная проблематика гуманитарных наук – проблема человека и культуры – начала тесно связываться с естественнонаучным знанием, подвергая это знание глубокому философскому осмыслению. Анализ науки уже не может ограничиться только теоретико-познавательным аспектом. Этот момент требует от философской мысли переключиться от логико-методологических исследований к анализу оснований научного познания, включающих рациональные, гуманитарные, социокультурные и исторические характеристики науки.

Дальнейшее решение исследуемой проблемы может быть осуществлено с помощью привлечения того ценного теоретико-методологического знания, которое было накоплено отечественной и западной философской традицией.

Такой подход к проблеме фиксируется в цели и задачах исследования.

Цель диссертационного исследования - философско-методологический анализ естественных и гуманитарных наук как особых типов научной рациональности.

Задачи исследования:

- выявить природу и механизмы развития различных типов научной рациональности, складывающихся из рационального и иррационального в познании, деятельности и культуре.
- определить эпистемологический статус гуманитарного познания; показать, что в отличие от естественных наук, гуманитарные науки базируются на другом типе рациональности, их предмет рассматривается в аспекте ценностей, установок и идеалов открытой рациональности;
- проанализировать объективно-исторические и концептуальные основания процессов дивергенции и конвергенции естественных и гуманитарных наук на разных исторических этапах процесса познания;
- соотнести понятие "естественные" и "гуманитарные науки", выявить их общее понятийное пространство;
- проследить эволюцию и механизмы взаимодействия естественных и гуманитарных наук, выделить основополагающие моменты этого взаимодействия;
- показать процесс проникновения методов естественнонаучного знания в структуру гуманитарных наук и в свою очередь выявить формы присутствия гуманитарных понятий и методов в естественных науках;
- обосновать гипотезу о том, что гуманитарный тип рациональности в снятом виде включает естественнонаучный тип рациональности и доказать это положение на примере историко-и теоретико-философского материала;
- выявить внутренние закономерности трансформации естественнонаучного и гуманитарного типов рациональности и проанализировав состояние проблемы на данный момент, обозначить подходы к ее решению.

Методологические основы и теоретические источники исследования.

Анализ проблемы «естественные и гуманитарные науки как типы научной рациональности», требует соотнесения в методологической базе и в категориальном аппарате идей, методов и категорий, выработанных как в рамках философии, так и в рамках естественных и гуманитарных наук, (социологии, философии науки, истории философии, фонологии, семиотики, физики и математики). Для исследования феномена естественных и гуманитарных наук как типов научной рациональности используется философская рефлексия, методы логического и феноменологического анализа, герменевтический метод. Применяется категориальный аппарат и методологические подходы, которые выработаны в концепциях Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Вебера, Э. Кассирера, К. Поппера, Т. Куна, М. Полани, М. Фуко и др.

При анализе конкретных работ по проблеме взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания автор пользовался сравнительно-

сопоставительным, историко-генетическим, функционально-сопоставительным методами, системным подходом.

Теоретическими источниками исследования являются классические и современные труды отечественных и зарубежных исследователей, в которых, ставится и анализируется проблематика методологии естественных и гуманитарных наук, типов рациональности. Среди авторов этих трудов можно назвать Платона, Аристотеля, Р. Декарта, Г. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Поппера, М. Вебера и др.

Теоретической базой для проведения исследования стали труды Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля, В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Вебера, К.-О.Апеля К. Поппера, М.М. Бахтина, В.А. Лекторского Л.А. Микешинной, Н.В. Мотрошиловой В.С. Степина В.С. Швырева и др.

В выводах и обобщениях автор опирался на результаты конкретно-научных исследований в следующих областях: философии науки, методологии науки, социологии знания и социологии науки, социальной психологии, антропологии, истории культуры, семиотики, логического анализа языка, истории философии, философских проблем естествознания (физика, математика).

Научная новизна исследования.

- выделен и проанализирован механизм развития различных типов научной рациональности в познании, деятельности и культуре;
- предложен и обоснован вариант философско-методологического анализа естественных и гуманитарных наук как особых типов научной рациональности;
- определен эпистемологический статус гуманитарного знания; показано, что в отличие от естественных наук, гуманитарные науки базируются на другом типе рациональности их предмет рассматривается в аспекте ценностей, установок и идеалов открытой рациональности;
- раскрыты научно-теоретические, объективно исторические и концептуальные основания процессов дивергенции и конвергенции естественных и гуманитарных наук;
- выявлена эволюция и механизмы взаимодействия естественных и гуманитарных наук, выделены основополагающие моменты этого взаимодействия;
- теоретически обоснован и эксплицирован процесс проникновения методов естественнонаучного знания в структуру гуманитарных наук, а также выявлены и прослежены обратные процессы;
- исследовано на примере историко- и теоретико-философского материала возникновение и развитие гуманитарного типа рациональности; обосновано, что гуманитарный тип рациональности в снятом виде включает в себя естественнонаучный тип рациональности, показано, что в современном научном познании происходит радикальный, качественный переход от естественнонаучного типа рациональности к гуманитарному. Именно при рассмотрении современных форм неклассической рациональности

раскрывается в своей полноте значимость понятия гуманитарной рациональности;

- обосновано, что неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия, включила ее в себя как частный случай.

Этот переход выражается:

- в замене классических представлений о естественнонаучном типе рациональности на холистически-экологический, неклассический тип рациональности;
- в выявлении, анализе и критике фундаментальных основоположений классического тира рациональности;
- в выдвигании «открытой рациональности», «неклассической рациональности» как альтернатив естественнонаучному типу рациональности;
- в становлении гуманитарного типа рациональности, новых эталонов, образцов научности;
- определены внутренние закономерности трансформации типов рациональности, проанализировано состояние проблемы на данный момент, предложен механизм исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В отличие от естественнонаучного познания, которое строит свой идеальный объект в одном пространственно-временном континууме, гуманитарное познание стереоскопично. Оно строится в нескольких пространственно-временных срезах, совмещая проекции хронотопов события, повествования (автора) и исследователя. Такое совмещение вводит текст в контекст "большого времени", по М.М Бахтину, в котором все культуры сопричастны друг другу, а их интерпретация имеет принципиально открытый характер.

2. Особенность гуманитарного знания заключается в том, что это знание является парадигмой человеческого знания вообще. Естествознание - частный случай человеческого познания; строгое знание, возможное лишь в весьма узких границах четко зафиксированных предпосылок, которые в полной мере невозможно перенести на познание в целом.

3. Суть структурных сдвигов, происходящих в современной науке, может быть определена как переход от стратегии преимущественного дисциплинарного развития научного познания к проблемно-ориентированным формам научного исследования. Изменяется характер решаемых современной наукой проблем: все в большей степени это оказываются комплексные проблемы, имеющие фундаментальную социально-культурную значимость. Соответственно увеличиваются объемы, удельный вес и спектр комплексных гуманитарных научных исследований.

4. В мышлении каждой эпохи имеется своя система общих понятий, логических принципов и форм, в которых осмысливается внешний мир. Социальная сторона бытия не одинаково проявляется в понятиях разных наук: она более выражена в понятиях гуманитарных наук, меньше – естественных.

Однако естественнонаучное познание и те логические формы, в которых оно фиксируется, в конечном счете опосредованы факторами социального характера и зависят от социально-культурного климата эпохи.

5. Поставленный распространением методов естествознания на все области знания вопрос о праве на существование, о статусе гуманитарных наук симметрично обратился на само естествознание. Способ познания в естественных науках определяется как достаточно узкая, ограниченная, лишь «научная рациональность», ей отказывается в праве на единственность и универсальность. Возникает догадка о существовании другого типа рациональности или рациональностей. Точная наука перестает быть образцом рациональности. Научную рациональность не отождествляют больше с самой рациональностью. И ставится вопрос о типе рациональности, присущем гуманитарным наукам.

6. Процесс взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания имеет двусторонний характер. Он осуществляется как в сторону большей строгости гуманитарных наук, обогащения их генерализирующими, точными методами исследования, так и в сторону гуманитаризации естественных наук. Гуманитаризация естественно-научного знания осуществляется:

- на методологическом уровне через предпосылочные знания, стиль научного мышления, идеалы и нормы научного исследования, научную картину мира;
- на эпистемологическом уровне - при построении научных гипотез и прогнозов, включающих, помимо формализованного, неформализованное и не формализуемое знание, как следует из теоремы Геделя, ни одна в какой-то мере богатая система не может быть достаточно полной; по отношению к ней всегда находится высказывание, которое не может быть ни доказуемо, ни опровергнуто средствами данной системы; его обсуждение требует выхода за границы системы и использование иных, неформализованных средств. А это означает пересмотр и расширение аксиоматического базиса, включение интуитивных, «бездоказательных» суждений. В переходе от формализованного знания к неформализованному предзнанию, к догадке решающая роль принадлежит творческой интуиции;
- на операциональном уровне - это использование конкретных приемов гуманитарного знания (метафора, образ, типическое) в качестве вспомогательных средств исследования;

7. Важнейшей особенностью объекта социально-гуманитарного познания является включенность в него сознания и деятельности субъекта как сущностных компонентов исследуемой социальной реальности в «мире человека». Существенно и то, что исследование объекта в этом случае осуществляется всегда с определенных ценностных позиций, установок и интересов. Касаясь понятия «ценность» в его применении к познавательному процессу показано, что оно стало многоаспектным, фиксирующим различные гносеологические содержания, отсюда следует, что необходимо показать

специфику не только объекта, но и субъекта социально-гуманитарного познания.

8.Сегодня становится ясно, что дело не только в невозможности переноса естественных методов познания на исследование человеческих и социальных феноменов, но и в том, что нельзя считать классическую физику идеалом даже естествознания. Мнение о том, что знание синонимично предсказуемости и контролируемости изучаемого объекта (отсюда и представление о том, какое знание считать «точным», «строгим» и т.д.), что знание может относиться только к устойчивым ситуациям, задано образом классической физики, которая в действительности является очень сильной идеализацией реальности и не может претендовать на роль эталона рациональности даже в естествознании, и в частности в физике. Есть веские основания думать, что как раз изучение человеческих и социальных феноменов может дать новое понимание знания вообще и радикально обновить всю традиционную теоретико-познавательную тематику.

9.Классический тип рациональности не обязательно требует перехода на позиции открытой рациональности, а развитие неклассических и гуманитарных форм рациональности с необходимостью предполагают обращение к принципу открытости. При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена прежде всего ее обращенностью к актуальным проблемам философии науки и методологии научного познания - поискам путей развития современной эпистемологии. В ходе конкретного анализа выявляются теоретически значимые механизмы взаимодействия естественных и гуманитарных наук, органическая сопряженность естественного с гуманитарным, проходит через проблематику времени и пространства. Не является здесь исключением применение системно-структурных описаний, которые в равной степени продуктивно вторгаются в социальные и естественные науки. Осмысление природы синтеза, механизмов порождения качественно новых концептуальных структур, невозможно без учета своеобразия тех гносеологических контекстов, внутри которых ведутся поиски специфики естественных и гуманитарных наук как особых типов рациональности.

Работа вписывается в неклассическую традицию, существующую сегодня в области эпистемологии и методологии научного познания. Основные идеи и выводы работы могут способствовать более глубокому осмыслению особенностей современных проблем философии науки и играть существенную роль в их решении.

Результаты исследования имеют практическое значение и могут быть использованы в ходе разработки новых учебных программ и пособий по философии науки и эпистемологии, истории философии, в лекционных курсах,

в спецсеминарах и спецкурсах, в конкретных разработках методических рекомендаций по целостному прочтению базового курса философии, а также в ходе дальнейшей разработки философской концепции научного познания.

Апробация работы.

Основные идеи диссертации и полученные результаты нашли отражение в монографии, научных и методических статьях общим объемом 16,75 п.л. По теме работы прочитаны доклады на международных, всероссийских, межвузовских и внутривузовских конференциях, симпозиумах в Москве (2000), Санкт-Петербурге (1997), Нижнем Новгороде (1997, 1998), Курске (1995-1998), Воронеже (1998, 1997), Иванове (1998), Челябинске (1995), Томске (1998), Хабаровске (1997), Уфе (1992), Вологде (1992). Тезисы и материалы докладов опубликованы. Диссертация прошла апробацию на кафедре философии МПГУ. Работу обсуждали и рекомендовали к защите на заседании кафедры философии МПГУ, где диссертант в 1998-2001 годах был докторантом.

Результаты настоящей работы использовались в процессе чтения лекций и проведения семинарских занятий на физико-математическом и психологическом факультетах Воронежского государственного педагогического университета.

На основе полученных результатов разработаны и читаются спецкурсы.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний и общего списка использованной литературы. Все ссылки и пояснения даются в примечаниях к диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении автор обосновывает актуальность темы исследования, дает характеристику степени разработанности проблемы, показывает ее многообразие и значение для развития современного философского знания, определяет цель и задачи исследования, ее логическую структуру и методологические подходы к исследуемой проблеме, научную новизну и практическую значимость работы.

Первая глава диссертации "Проблема взаимодействия естественных и гуманитарных наук" состоит из трех параграфов и раскрывает постановку и содержание исследуемой проблемы в историко-философском аспекте. Главная задача этой части работы определяется автором как эпистемологический анализ, посвященный рассмотрению проблемы взаимодействия естественных и гуманитарных наук на этапе формирования и становления естественнонаучного и гуманитарного знания.

Первый параграф - "Природа и становление естественнонаучного знания: историко-философский аспект" посвящен анализу научного знания в трудах основоположников теории познания, методологии и философии науки Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля. Если Бэкон и Декарт в исследовании

науки, научного метода, основное внимание концентрировали на выработке и обосновании метода познания, то Кант сделал продуктивную попытку осмыслить природу науки как таковую, обосновать возможность научного суждения, раскрыть всеобщие условия формирования научно-теоретического познания. В философии Канта отчетливо проявилась ориентация «на новую науку – механическое естествознание», и эта ориентация проявляется в том, что, признавая существование объектов самих по себе, он полагает, что их нельзя познать, не рассмотрев методологически так, как если бы они были механизмами и были созданы разумом целесообразно и свободно. Но при этом философ, исследующий условия возможности теоретического знания, всегда должен помнить о том, что это «как если бы» - только методологический прием, что мир существует сам по себе независимо от того, познают его или нет.

В своей философии и логике Кант уже четко отличал научное и философское знание. По его мнению, научное знание, прежде всего, является творческим, синтетическим знанием, которое в то же время имеет всеобщее и необходимое значение. Оно также является знанием об объекте, природе, которая по определению Канта, является совокупностью опыта.

Отправным пунктом рассуждений Канта является тот общий факт, что многообразное созерцание, как оно дано нам непосредственно, всегда представляется внутренне связанным. Соединение многообразия вообще никогда не может быть воспринято нами через чувства, и, следовательно, не может также заключаться в чистой форме чувственного наглядного представления. Эта мысль Канта внесла действительно новое понимание в рассмотрение исследуемой нами проблемы, то есть теперь было ясно, что за пределом субъекта существует действительность сама по себе, а все, с чем имеет дело человек, его познание, не существует вне субъекта и его активности. Реальная действительность вне человеческого познания является только возможным предметом.

Кант глубоко уверен, что философия в отличие от математики и естествознания не пережила еще такого счастливого момента она по воле судьбы не выработала еще нового способа мышления. Поэтому единственно возможным способом научной философии является ориентация ее на опыт математики и естествознания.

В отличие от Канта Гегель последовательно проводил ту мысль, что естествознание не является конечным способом познания, оно охватывает отдельные аспекты, стороны предмета, но не постигает целостности, противоречивости предмета. Отсюда от взоров естествоиспытателей, по убеждению Гегеля, ускользает сущность объекта, его внутренняя жизнь и диалектика.

Гегель проанализировал ограниченность естествознания в двух планах, а именно объективно и субъективно. Прежде всего, как полагал он, ограничен предмет естествознания, то есть природа, на постижение которой в основном направлена деятельность исследователя. По убеждению Гегеля, природа является не самостоятельным, субстанциональным объектом, а ступенькой саморазвития абсолютного духа, который первоначально выступает в чисто

логической форме как система чистых сущностей, а затем, дойдя до ступени идеи, переходит в свое инобытие, в природу, в которой находит свое воплощение. Однако высшим воплощением идеи является дух, который выступает в форме единства логики и природы.

Естествознание, по мнению Гегеля, ограничено и субъективно, ибо оно, выступает конечной формой постижения абсолюта. В силу того, что естествознание связано с рассудком, оно неспособно постигать целостность, конкретность, противоречивость предмета. Естествознание поэтому охватывает некоторый срез, конечный аспект воплощения духа и по этой причине не способно познать живой саморазвивающейся целостности.

Если Кант природу рассматривает как совокупность опыта, то, по Гегелю, природа отождествляется с представлениями теоретического естествознания его времени. Поскольку естествознание его времени было метафизическим, постольку и природа им изображается как нечто неизменное, не знающее историю. Отсюда реальное отношение человека, человечества к природе в гегелевской философии подменяется отношением философии к естествознанию. Правда, это отношение онтологизировано оно изображено как отношение идеи, абсолютной идеи, не к самой природе, а, скорее, к философии природы. По существу это есть абстрактно-отвлеченное выражение отношения философии к естествознанию.

Второй параграф "Становление гуманитарного знания и его методологии" посвящен дальнейшему процессу становления и развитию философии науки. Позитивистская парадигма с ее тенденцией редукции гуманитарного знания к натурализму, а также развитие историко-гуманитарных наук вызвали поворот в западной философской мысли: в центре обсуждения стала проблема демаркации и специфики гуманитарного знания. Не в последнюю очередь такая переориентация была связана с необходимостью переоценки и переосмысления позитивистского подхода к анализу научного познания.

С середины XIX века вопрос о специфике методов гуманитарного познания становится предметом столкновения различных подходов. Нужно отметить, что постановка этого вопроса оказывается связанной не только со становлением исторического и социологического познания, но и с обсуждением глубочайших философских проблем, с дискуссиями о природе и границах познания, а также человеческого самопознания, о специфике человека как предмета изучения.

Осмысливая эти проблемы, Дильтей радикально разграничил естественные науки, предметом которых является природа, и гуманитарные науки как науки о духе. По Дильтею, существуют два совершенно различных типа опыта – внутренний и внешний. В естественнонаучном мышлении находит отражение последний. Но человек не дан самому себе как такой же объект, что и все остальное. Он дан себе во внутреннем опыте, анализ внутреннего опыта и должен стать основой наук о духе. Такой подход к выделению гуманитарной сферы знания основан, по его мнению, на историко-критическом исследовании самого материала различных наук и

противоположен позитивистскому, когда понятие науки выводится из логического определения знания, на основании которого решается, что является наукой, а что нет. Побудительным основанием для ограничения этих наук, как считает Дильтей, является обнаружение в самосознании человека суверенности воли, способности все подчинить своей мысли, личностной свободе, ценности самостоятельного духовного мира.

Классическим вариантом противопоставления гуманитарного знания естественным наукам была концепция неокантианцев баденской школы. Р. Коллингвуд считает, что в Германии идея радикального отличия природы и истории была в XIX веке общим методом, но чаще это противопоставление сводилось к различным банальностям: область необходимости противопоставлялась области свободы, существование – становлению и тому подобное. Идея неокантианцев противопоставления гуманитарного знания естественным наукам не была так проста и разрабатывалась достаточно детально. Хотя часто она воспринималась поверхностно на основании первых, не самых удачных формулировок В. Виндельбанда и Г. Риккерта просто как идея противопоставления уникальной истории природе, где все повторяется.

Зачастую неокантианцев упрекают в непонимании той простой вещи, что в природе все не менее уникально, чем в истории. Такая критика основана на недоразумении или невнимательном чтении: любая реальность может рассматриваться и как природа и как история – это неоднократно уточняет Риккерт. Тем не менее, этот самый простой критический ход постоянно встречается в философско-исторических дискуссиях XX века. В «Границах естественнонаучного образования понятий» и в «Философии истории» он высказывается осторожнее. В более продуманном варианте две группы наук отличаются целями. Путь естествознания и истории идет то через частное, то через общее, но целью естествознания при этом остается изображение более или менее общего, а целью истории – более или менее индивидуального. Таким образом, несомненно, что история использует общие понятия. Но эти понятия – продукт генерализирующего мышления – лишь средства для индивидуального отображения, ориентированного на передачу уникальности явления, а не на подведение его под общее понятие и закон. Указания на «полное и исчерпывающее» описание индивидуальности объекта оказываются необязательными и могут быть опущены. Тем не менее, принцип сохраняется: история и наука о законах – взаимоисключающие понятия, причем, не потому, что открыть законы истории трудно, а потому, что цель исторического познания другая. Духовные и социальные явления можно при этом изучать и генерализирующим методом, но это не будет историей. Исторические явления включаются в более общие целостные образования, но историческое целое есть такой же индивид, как и его части. И включение исторического явления в такую «общую» историческую связь есть включение его в другой более обширный индивидум, а не подведение экземпляра под общее понятие.

Отказываясь от подчинения исторических наук естественнонаучной методологии, неокантианцы хотели бы сохранить объективность в науках о культуре. Эта объективность связывается ими с наличием объективной

трансцендентной системы ценностей. Риккерт убедительно показывает, что не может быть естественных ценностей, что, например, рассматривая биологическую эволюцию как совершенствование, биологическая теория исходит из приспособления, сохранения жизнеспособности как ценности. Но система ценностей не может быть выведена из истории. Эта система должна быть основой критического анализа философско-исторических теорий. Поэтому философия истории мыслится как учение о ценностях, сообщающих единство историческому универсуму и расчленяющих его. В отношении к ним она может истолковывать единый смысл всего исторического развития. А для поиска ценностей в истории нужно обладать ценностной точкой зрения. Итак, нужны сверхисторические ценности, а их исследует уже не философия истории, а философия. Она трактуется как критическая наука об общеобязательных ценностях. Философия с критически обоснованной системой ценностей создает фундамент систематического понимания содержания истории, расчленения исторического универсума, выделение существенного. В результате, исторические индивидуальности смыкаются в единое целое индивидуального исторического универсума.

Указание на ценностную нагруженность гуманитарного познания было несомненным вкладом неокантианцев в становление антинатуралистической философии гуманитарных наук. Риккерт убедительно показал, что точка зрения ценности является руководящей в контовском анализе исторического развития. Но важно не только это. Подобная контовской глобальная философия истории с неосознанной ценностной позицией не является рекомендуемым образцом. Эти примеры скорее доказывают неискоренимость ценностной точки зрения, которая проявляется уже в процессе отбора материала в гуманитарных науках. Можно отметить стремление неокантианцев сохранить при этом объективность гуманитарного познания, не впасть в примитивный релятивизм ценностей. Но предложенное ими решение проблемы объективности исторического знания вызывает вопросы.

В анализе проблемы ценностей Риккерт не использует важнейшую для критической философии идею трансцендентального исследования. Трансцендентальный анализ всеобщих условий опыта, то есть того, что является условием осуществления и самого этого анализа. Подход с этой точки зрения к системе ценностей, руководящих историческим исследованием, более чем уместен. Но он должен исходить из внутренней историчности самого субъекта, которая упускается неокантианцами. Коллингвуд справедливо считает это недостатком немецкой философско-исторической школы в целом. История в ней противостоит историку в качестве объекта точно так же, как природа – естествоиспытателю, история не понимает, не критикует, не оценивает саму себя, это делает историк. В случае неокантианцев – вооруженный системой трансцендентальных ценностей, прошлое для такого субъекта отсечено от настоящего и является простым зрелищем. Оно состоит из отдельных фактов – носителей ценностей. Риккерт, считает Коллингвуд не смог понять, что ценность фактам прошлого придает то, что они – живое прошлое, понимая которое, сознание историка схватывает процесс, в котором оно само

возникло через духовное развитие прошлого. Прошлое же, как зрелище – это история, превращенная в природу.

Неокантианским идеям о специфике гуманитарных наук противостоят размышления Вебера. Оценим соотношение элементов натуралистического и понимающего подходов в методологии Вебера. Вебер несомненный антинатуралист в своем поиске специфических методов социального познания, включении в сам предмет социологии субъективно-мотивационной, смысловой стороны человеческих действий, в ориентации на анализ культурного значения социальных явлений. При этом его антинатуралистическая позиция ближе к неокантианской, чем к дильтеевской. Отличие от Дильтея также – в трактовке понимания как рациональной, нацеленной на каузальное объяснение процедуры. Но стремление Вебера сформировать методологию научного объективного объяснения социальной жизни приводит к тому, что ее коренная специфика учитывается как бы внешним образом. Социальная реальность остается для социолога зрелищем, анализируя которое он способен оставить за скобками определения собственного социального бытия. Так что субъект социального познания у Вебера – вполне декартовский. Не имея ничего против принципа «ценностной нейтральности» в социальном исследовании как идеала, к которому нужно стремиться, можно и нужно поставить вопрос о том, насколько абсолютная ценностная нейтральность достижима для человека, который, будучи наблюдателем социальной драмы, не может не быть ее участником, а значит и носителем определенной роли, персонажем.

Неокантианцы, Дильтей, Вебер – это мыслители создавшие проблемное поле, в котором развивались идеи последующих поколений методологов.

В третьем параграфе - "Позитивизм и критический рационализм о взаимодействии гуманитарных и естественных наук" показывается, что сформулированные в конце 20-30-х годов идеи Венского кружка получили изрядную долю критики уже в кругу «своих», не говоря о мировоззренческих антиподах позитивизма. Не будем останавливаться на хорошо известных мотивах этой критики. Очевидно, что наиболее уязвимыми положениями являются отождествление научности с эмпирической проверяемостью, понимание верификации как критерия значения, представление об индивидуальных чувственных восприятиях как абсолютном эмпирическом базисе науки, положения, касающиеся методологического единства науки: переводимость всех научных утверждений на физикалистский язык, трактовка понимания, функций языка и коммуникации в познании. Вспомним, что Карнап называет свою позицию «методологическим солипсизмом». Надежды Карнапа на «онаучивание» социологии и психологии связаны с тем, что все изучаемые ими явления можно будет определить в терминах физических понятий, как внешние движения или биохимические процессы. Карнап, Нейрат, Абель и другие хотят последовательно изгнать из социально-гуманитарного знания все элементы интерпретации, понимания значения.

Жесткие критерии и требования логического позитивизма были подвергнуты критике в различных направлениях аналитической философии. Среди отвергнутых идей – представление об абсолютном эмпирическом базисе

науки, об особом статусе индивидуальных восприятий и протокольных предложений, о верификации как критерии истины и значения, о возможности жесткой демаркации научного и ненаучного подхода и т.д.

В ходе дискуссии в аналитической философии было обращено внимание на такие аспекты гуманитарного исследования, которые крайний натурализм игнорирует: на роль возможных критериев значимости и ценностных суждений в отборе и интерпретации исторического материала, на нарративный (рассказ) характер истории. История (как наука) – не просто набор фактов, а рассказ, нарратив, который не должен рассматриваться безотносительно рассказчика и аудитории. Пусть минимальной задачей историка является выражение истинных суждений и описаний прошлого, но, выполняя ее, историки описывают через нарратив, следовательно, устанавливают связь событий, интерпретируют. Любое описание связано с отбором материала, рассказ структурирует события, устанавливает их значимость. Следует отвергнуть точку зрения, что установление фактов и связей – различные вещи: нарратива нет без связи событий, он всегда и описывает и объясняет. Нарративный характер истории (как науки) обычно подчеркивается в антинатуралистической философии истории как специфическая черта исторической науки, отличающая ее от естествознания. Нарративная структура, построение истории как рассказа приводят к тому, что в ней присутствует сюжет, который является средством отбора и упорядочения событий в относительно законченное единство с началом, кульминацией и концом. Даже с развитием социально-экономической истории (как научной теории) последняя не перестала носить нарративный характер, считает П.Рикер, сюжет делает постижимым целым цели, обстоятельства, взаимодействия, намеренные и ненамеренные результаты человеческих действий. Связь истории (научной теории) с нарративом, по его мнению, как раз и характеризует ее как гуманитарную науку.

В аналитической философии эта черта истории (как науки), да и других гуманитарных наук обычно либо игнорируется, либо не признается существенной, считается свойственной незрелым формам исторического исследования. Тем интереснее тщательный логико-философский анализ особенностей нарративных предложений и контекстов у А. Данто. Целый ряд высказанных им идей аналогичен соображениям философов герменевтиков, хотя у Данто эти идеи высказаны другим языком и иначе обоснованы (скорее логически). Это касается, в частности, проблемы значения исторических событий. Для того, чтобы реализовать в мысленном эксперименте идеал эмпирического исследования применительно к истории (как объективному процессу), Данто предлагает представить идеального хроникера, который записывает все, что получилось «на переднем крае» прошлого в тот же момент. Если историку будет доступна идеальная хроника, ему вроде бы ничего не остается делать как историку (собирать данные, выдвигать гипотезы и т.д.) Но в такой хронике будут отсутствовать нарративные предложения, связывающие два события, разделенные во времени. Идеальная хроника не сможет говорить о значении событий, ведь они будут выявляться в зависимости от событий последующих. В ней будут отсутствовать предикаты «является

причиной», «предвосхищает» и множество других. Данто утверждает, что, поскольку историческое значение приобретает событием благодаря отношению к чему-то другому, к чему мы питаем интерес или чему придаем значение, понять значение события в момент его свершения возможно лишь, если знать, с какими будущими событиями оно будет соотнесено историками. Для этого нужно предсказывать не только будущие события, но и интересы историков. Новые события меняет значение прошедших. Прошлое, следовательно, непредсказуемо в той степени, в какой непредсказуемо будущее.

Предпринятый кропотливый логико-философский анализ Данто, анализ проблемы взаимоотношения гуманитарных и естественных наук, показывает ограниченность первоначально принятых аналитической философией методологических принципов. Данто в результате анализа приходит к соображениям, характерным для представителей противоположной – антинатуралистической – линии в осмыслении интересующих нас проблем.

Оценивая в общем и целом объективность и научность истории, участники дискуссии в аналитической философии приходят к тому, что она может быть признана наукой лишь при использовании завышенных критериев научности, которые на самом деле вряд ли приложимы к естествознанию. С одной стороны, все признают существование в историческом исследовании надежной техники установления отдельных фактов, проверки надежности источников и т.п. С другой – подчеркивается, что отбор материала на основе определенного теоретического интереса, отсутствие «голых фактов», затрудненность выбора между конфликтующими теориями – все это характерно и для естествознания. В этом отношении работы позитивистов выбили почву из-под слишком прямолинейных противопоставлений «настоящих наук» – гуманитарным. Хотя ряд других различий не признать нельзя: невозможность количественной фиксации и отсутствие количественных критериев отождествления различных характеристик, невозпроизводимость данных, невозможность применять историческую гипотезу к обстоятельствам, отличных от тех, с которыми связано ее появление, для ее проверки. Признается в целом возможность объективной, в смысле нетенденциозной, пытающейся выяснить, что действительно произошло, истории (как объективного процесса). Но эти сопоставления методологических приемов гуманитарных и естественных наук, как и рассуждения неокантианцев, в основном игнорируют ключевую категорию социально-гуманитарного знания – значение.

Вторая глава диссертации "Анализ методов объяснения и понимания в естественных и гуманитарных науках" посвящена проблеме соотношения объяснения и понимания в философии и методологии естественных и гуманитарных наук.

В первом параграфе "Проблема понимания в философской традиции" говорится о том, что гадамеровская трактовка герменевтики направлена на последовательное преодоление объективистского методологического идеала.

Он связывает себя с хайдеггеровской трактовкой человека и его самосознания. Связи сознания с жизнью с культурной традицией не могут быть полностью объективированы и поставлены под контроль научной методологии. Отсюда – неискоренимая историчность, ситуативность, пред-рассудочность понимания. Пред-мнения и пред-рассудки – не препятствие для понимания, а его условие. Если совершить над сознанием декартовскую процедуру очищения его от всех пред-мнений, такое сознание не будет способно ничего познать и понять. Герменевтический круг состоит, в частности, в том, что мы осуществляем «набрасывание смысла», проецируем на текст наши пред-мнения, и, сталкивая их с текстом, делаем осознанными и открытыми для просмотра. Произвольность не отвечающих фактам пред-мнений уничтожается первой же попыткой приложения их к реальности текста. Понимание – диалог с текстом. Герменевтический опыт предполагает активность спрашивания, но вопросы-функция нашей ситуации, пред-рассудков и пред-мнений. Дискредитация пред-рассудков Просвещением также является предрассудком. Противопоставление разума и традиций ложно: безусловной противоположности между ними не существует. А связано такое противопоставление опять-таки с желанием «выскочить» из всех детерминаций на почву самозаконодательствующего разума, способного к истинному, окончательному и объективному знанию и пониманию. Для Гадамера же не может быть окончательного понимания, единственно правильной интерпретации. Понимание всегда само-понимание, осознание собственных проектов и возможностей. Это само-понимание – бесконечный процесс, так как субъект историчен и его понимание тоже исторично и ситуативно обусловлено, причем влияние на него ситуации не может быть целиком взято под контроль и сведено на нет, историческое бытие всегда содержит не объективируемый остаток.

Таким образом, в процессе понимания происходит опосредование прошлого настоящим и наоборот. Романтическая герменевтика видела в однородности человеческой природы внеисторический субъект делающий понимание возможным. Гадамер говорит об исторической подвижности субъекта. Ситуация понимания раскрывает новые аспекты прошлого, а понятое прошлое расширяет горизонт опыта понимающего субъекта. Чудо понимания не требует конгениальности. Понимание характеризуется Гадамером не как «перепрыгивание» в другой горизонт (именно этого требует вчувствование, методику которого разрабатывали Шлейермахер и Дильтей), а как слияние горизонтов. Для того чтобы это слияние (по выражению Бахтина, превращение чужого в «свое-чужое») произошло, герменевтическое сознание должно быть открыто притязаниям традиции на истинность, должно стремиться научиться чему-либо у традиции, позволяя преданию сделаться для себя опытом. Понимание представляет собой подлинный опыт, встречу с тем, что заявляет о себе как об истине, а не усилие некоторого филологического сознания, безразличного к истине своих текстов. Трактовка понимания как опыта, отношение к истории как к источнику опыта, а не как к материалу интерпретации, набору данных – отличительная черта герменевтической философии.

Всякое понимание совершается в среде языка, именно это определяет, по Гадамеру, универсальность герменевтической проблемы. Язык – всеобидя среда герменевтического опыта, он является не объективируемым остатком бытия в сознании: детерминация сознания языком не может быть поставлена под контроль самого сознания. В подобной трактовке языка Гадамер также идет вслед за Хайдеггром. Язык, по известному выражению Хайдеггера, есть дом бытия. Для Гадамера язык – абсолютный горизонт понимания, который не может быть превзойден. Моделью понимания является перевод, который представляет собой взаимное опосредование языков и слияние их горизонтов, их миров. Язык не может стать инструментом, простым средством. Языковой опыт мира абсолютен, не существует позиции вне его. Поэтому и опыт методического знания вторичен по отношению к языку.

За языком стоит культурная традиция – подлинная субстанция духовного опыта. Это центральное понятие гадамеровской герменевтики, оно вбирает в себя все линии социокультурной детерминации сознания – язык, историчность человека, мировоззрение как культурный феномен, включая эстетические вкусы и ожидания, исторические представления и т.д. Человеческое сознание «просыпается» только в рамках определенной традиции, поэтому никакого опыта вне ее нет (как и вне определенной коммуникативной общности) – мы не можем занять по отношению к ней позицию, позицию декартовского субъекта, взвешивающего традицию на весах разума как что-то, противопоставленное разуму и поставленное перед ним. Это и значит, что традиция и привязанность к ней нашего мышления и понимания не может стать предметом объективирующего знания: сколько бы мы не ставили ее «перед собой», она остается «в нас», а в какой степени и каким образом, проконтролировать невозможно.

Полагая понимание как основной, адекватный своему предмету метод познания гуманитарных наук, мы разделяем точку зрения Бахтина, который не считает эту связь абсолютной. Во-первых, понимание не ограничивается только сферой научного познания. Оно выходит за пределы науки и составляет обширную сферу вненаучного, или «иринаучного» знания, к которому в первую очередь принадлежит литература и в определенном отношении искусство в целом. Во-вторых, человек является не только духовным, но прежде всего практическим существом. Поэтому понимание в своей неотрефлексированной форме входит как важнейший момент в повседневную жизнь человека, в его практическое сознание. В-третьих, поскольку сама духовная деятельность объективируется в материальной знаковой форме, в предметах культуры, составляющих жизненный мир человека, постольку ее познание не может ограничиваться пониманием, но допускает и требует объяснения и других способов научного познания, ориентированных на объективность и точность (например, лингвистика, семиотика, психология, социология). Однако предмет гуманитарного познания всегда сохраняет смысловое ядро, доступное только пониманию с его принципом незавершенности. И, наконец, в четвертых, понимание присуще и

естественным наукам в той мере, в какой они являются продуктом человеческого духа.

Во втором параграфе "Анализ феномена понимания в системе естественных наук" показывается, что среди корректив, внесенных постпозитивистами в традиционный образ науки, множество указаний на неалгоритмические, неметодические, неформальные аспекты науки. Кун, например, показывает, то парадигмы вообще не связаны с эксплицитной системой правил (почему их бывает сложно обнаружить). Понятия, законы, значения терминов усваиваются не на основе определений, а вместе с их применениями. Правила приобретают значение как раз при потере уверенности в парадигме, до этого они функционируют без рационализации. Что касается Фейерабенда, то его «методологический анархизм» выражается, как известно, в утверждении, что в реальной истории науки нарушаются все известные методологические правила и рекомендации, а поэтому «позволено все». Существующие стандарты рациональности помешали бы развитию науки. Она всегда обогащалась за счет внеученных методов и результатов. Наука поэтому гораздо более иррациональна, чем принято считать.

Разумеется, Фейерабенд слишком увлекается. Тезис об отсутствии всяких различий между мифологией, восточными религиозными учениями и современной наукой игнорирует реальные различия познавательных интересов, с которыми связаны эти формы знания. И пусть идеал строгого метода никогда не воплощается в реальной истории науки полностью, ориентация на него как на идеал как раз и конституирует науку как особую область культуры. А связана ориентация на такой идеал как раз с технологическим интересом, который обслуживает наука. С этим же связано различие отношения к знанию в европейской и восточных цивилизациях.

К числу неалгоритмических аспектов науки следует отнести анализируемые Дж. Холтоном тематические аспекты деятельности ученых, веру и понимание, роль мировоззренческих представлений ученых. Значение всех этих компонентов научной деятельности неоднократно анализировалась. Обратим внимание лишь на некоторые особо принципиальные для нашей темы моменты. Одним из постоянных мотивов развития научного знания является стремление к объединению многообразных явлений в единой картине мира, которая строится на основе минимального числа общих принципов. Именно с этим – с вписыванием конкретного явления в общую единую картину мира – связывают ученые и философы понимание в естественных науках. Со стремлением к единому пониманию Гейзенберг связывает такую характеристику современной науки, как возрастание абстракции. И проводит аналогию с современным искусством, которое также становится более абстрактным на пути поиска средств изображать более широкие жизненные взаимосвязи. Идеал единого понимания служит методологическим ориентиром теоретического поиска ученых.

Традиция связывать понимание в естественных науках со вписыванием конкретных явлений в некое целое является почти общепринятой в философско-методологической литературе. подчеркивается, что понимание

связано с согласованием фрагментов в единое целое, с переходом к знанию более общей структуры, включающей в себя данное, с разумной функцией схватывания единства, целостности и связности знания. В связи с этим в качестве критерия понимания рассматривается целостность, а не истинность, и отмечается, что прогресс науки необязательно сопровождается ростом понимания, свидетельством чего является обострение проблемы интеграции научного знания. Древнейшие натурфилософские системы обеспечивали понимание не хуже современной науки. Миф и натурфилософию можно обозначить как понимание без знания. Это другой тип понимания, не тот фундаментальный, который мы называем «понимание-что». Он уже не является простой составляющей нашего умения жить в окружающем мире. Это понимание достигается лишь как результат специальных познавательных усилий. Задача современного ученого, конечно сложнее задачи натурфилософа: он должен не просто объединить разнородное единым принципом, но найти количественное выражение этого единства. Но стратегическая цель мысли та же. В данном случае также можно сказать, что усилия понимания направлены на постижение смысла явлений природы, смысла, который открывается в целостной картине какой-то области явлений или природы в целом. Этот смысл связан с местом данного явления в этом целом.

В третьем параграфе "Объяснение и гуманитарные науки" утверждается, что диалектику объяснения и понимания, идею синтеза объективирующих и понимающих подходов разрабатывал П. Рикер. Объективирующие способы исследования (структурализм, психоанализ) можно использовать, с его точки зрения, для замены наивных интерпретаций критическими. При этом нельзя абсолютизировать и объективирующие методы, и понимание: Рикер отмечает как крайности и иррационализм непосредственного понимания как эмпатии двух субъективностей, и рациональной структурный анализ текста как знаковой системы помимо субъективности автора и читателя. В их взаимодействии понимание как бы окутывает объяснение, которое его аналитически развивает. Эта диалектика уподобляется Рикером соотношению отгадывания загадок и обоснования отгадок. Поэтому Рикер противопоставляет «короткому пути» обоснования герменевтики – онтологии понимания Хайдеггера, в которой понимание выступает не как способ знания, а как изначальный способ бытия. На этом пути онтология человеческого существования постигается не непосредственно, а через исследование языка и различных форм рефлексии, опосредованных объективирующими методами.

Рикер делает попытку объединить в своей герменевтической концепции все те современные западные течения мысли, которые так или иначе исходят из признания принципиально нерелексированного, многоуровневого и «культурно-исторически обусловленного характера человеческого сознания» трансцендентальную феноменологию, экзистенциализм, психоанализ, философский структурализм. Благодаря такой широте охвата герменевтической проблемы он выступает против ее сведения только к вопросам лингвистического понимания. С одной стороны, для него очевидна опасность на пути онтологизации абстрактных характеристик некоторого «языка вообще»

вернуться к весьма метафорическим положениям герменевтики Хайдеггера. Но с другой стороны, ему важно, полностью не отрицая заслуг Хайдеггера, но присоединяясь к его положениям, показать реальную методологическую значимость понимания для исследовательской деятельности в самых различных областях современного гуманитарного и естественнонаучного знания. Вопрос об эксплицитном, методическом применении общего философского представления о понимании он видит в свете исследования предельных оснований в деятельности ученого по интерпретации культурно-исторических значений. Основанием для такого исследования, по его мнению, является то общее, которое выражается в знаково-символическом характере гуманитарной деятельности.

Обратиться к анализу символов Рикера заставляет внутренняя логика постановки проблемы понимания в философии. Дело в том, что область символизации и символических отношений друг к другу, а также к природе гораздо шире, чем вербальное и знаковое пространство языковой коммуникации. Это и многообразие исторических культурных памятников, которые выступают для нас символами иных способов жизни. Здесь и практическое разнообразие выражений социальных чувств в поведении человека: патриотизма, веры, надежды, любви и т.д. Не говоря уже о мире художественной культуры, сюда же относится богатство повседневных жестов, мимики, голосовой модуляции в общении и др. Как раз эту большую, чем у какого-либо языка, способность к выражению и отражению конкретных, особенных сторон человеческой деятельности Рикер и кладет в основание своей концепции герменевтики.

Рикер определяет понятие «символа» как любую структуру акта значения, в которой прямое, изначальное, буквальное значение указывает, в свою очередь, на другое – скрытое значение. Объединение таких полисемиотических, «мультивокальных» («многоголосых», как сказал бы Бахтин) значений и составляет содержание гуманитарного текста или предмета интерпретативного исследования. Если же говорить на языке феноменологии, то, проводит прямую аналогию Рикер, в символе есть первичная, или буквальная, интенциональность, которая направлена на естественно данный объект, – прямое выражение символа – и «соинтендируемый» второй, неявный смысл, который не дан нам иначе, чем через первое значение. В этом отношении проблема интерпретации знаково-символических выражений – обнаружение скрытого смысла, неявного отнесения в культурно-исторических предметах к каким-либо важным для субъекта сторонам реальности через посредство их прямых значений – непосредственно связана для него с философской проблемой обоснования знания.

Для французского философа постановка вопроса об обосновании прежде всего означает проблему соотношения индивидуальной и общественно-исторической жизни человека с непосредственным фактом его сознательного существования. Речь идет не столько о проблематике теории познания, сколько об исследовании отношения между исторически конкретным бытием человека (Dasein) и целым бытием (Sein), которое, по его мнению, гораздо более

изначально, чем научное, субъект-объектное отношение. В этих Хайдеггеровских терминах он высказывает тот в общем-то неоспоримый факт, что под познанием и знанием недостаточно рассматривать только специализированную исследовательскую деятельность, например в точных науках. Познание и его результат – знание, отражают единство всеобщих и конкретных сторон человеческой практики в целом. Однако, достаточно четко формулируя сходное на первый взгляд положение, Рикер в своем анализе приходит к противоречивым положениям.

Если принять конкретность всех тех предметных областей, к которым отсылает нас скрытое значение символических выражений, за определенную предпосылку сознательных актов, продолжает ход мыслей Гуссерля Рикер, то можно сделать вывод о широкой культурно-символической обусловленности современного рефлексивного (научного) мышления. Более того, становится очевидной знаменательная связь философской герменевтики с задачами толкования исторических мифов, культурных преданий, вообще интерпретации всех тех образов и представлений, которые предшествуют связному дискурсу. А это положение уже прямо противоречит всей рефлексивной философии, начиная с Декарта.

Французский философ, хотя и пытается предложить решение поставленных в его концепции вопросов на пути анализа деятельности по интерпретации символов, все же не может найти выхода из создавшегося логического круга. С одной стороны, вслед за всей западной герменевтикой он, в конечном счете, отрицает опору на научное знание, так как, по его мнению, оно ничего не может нам дать в смысле конкретного исторического понимания мира человеком. Ведь возвращение к научному знанию и связанной с ним философии означает для него новое возвращение к декартовско-кантовскому трансцендентализму с его полаганием «пустого» самосознания в качестве исходной точки отсчета. С другой стороны, следуя парадигме современной немецкой герменевтики, и в частности за школой Гадамера, опираясь в решении проблемы понимания только на языковое понимание – и Рикер, конечно, осознает это, - он вынужден признать исключительное значение как раз «внесознательных», скрытых значений в деятельности сознания, направленного на конкретные культурно-исторические стороны вещей и событий. Вся эта дилемма в целом значит, что мир культуры или получает непрерывную связность как исторический мир, но только в качестве единого объекта научного познания, или же, наоборот, перестает быть предметом науки и распадается на несвязное многообразие индивидуальных событий культуры, ситуаций, символов, языков совместно с их особенностями понимания, отложенными в культурном наследии. Нетрудно видеть здесь лишь иное выражение все той же проблемы, о соотношении общего и особенного, единства и многообразия в познании, преемственности в исторических пониманиях действительности, которую мы обнаруживали в герменевтических концепциях.

Третья глава работы "Общее и особенное в основании естественнонаучного и гуманитарного познания" посвящена анализу глубинных и сущностных оснований научного познания, которые определяют и формируют образ современной философии науки.

В первом параграфе "Анализ текста в гуманитарных науках" отмечается, что непосредственным объектом гуманитарного познания является текст, представляющий собой опредмеченную во внешней символической (знаковой) форме речь. Последняя организована в соответствии с требованиями грамматики языка, функционального назначения текста и стилистики данной эпохи. Вместе с тем всякий оригинальный текст всегда содержит откровение автора, смысл которого может быть понят лишь в общем контексте культуры. Гуманитарное познание всегда имеет дело с этой оппозицией. При этом под контекстом понимается установившаяся система значений, ценностей и стиля мышления, культуры, внутри которой сформировался и функционирует данный индивидуальный авторский текст.

Значение текстов может быть понимаемо различными способами в зависимости от аргументов, которые применяются в качестве аналитических гипотез о специфике рассматриваемого исторического контекста, хорошо известного в области гуманитарных дисциплин. Тем не менее «методологическая» ситуация возникает совсем не в результате различия в субъективных взглядах ученых или полисемии, историчности употребляемого ими языка. Возможность диалога, в конечном счете, сводит такое многообразие к минимуму. Различие заключается в самих гносеологических особенностях процесса интерпретации. Неспособность до «конца» объективировать собственное понимание мира при проведении теоретического исследования, и интерпретации текста в том числе, создает определенную и принципиальную «конечность», ситуационную ограниченность и неоднозначность интерпретаций.

Процесс взаимопроникновения контекстов – предельных онтологических представлений о мире как наших собственных, так и культурного времени, отображаемого в тексте, - на основании различия в знании об объектах общей темы коммуникации, вне зависимости от того, относятся ли они к природной действительности, как в естественнонаучных книгах и журналах, или к историческому миру культуры, как в историографии науки, литературоведении, лингвистике, истории и т.д. Теоретико- методологическая специфика гуманитарных дисциплин только более отчетливо демонстрирует то, что составляет одно из важных условий любой формы познания как общественно-исторического феномена – наличие процесса понимания в структуре познавательного опыта.

В познании следует различать две ситуации: 1) когда текст и контекст находятся в едином пространственно-временном континууме, 2) когда текст изъят из контекста культуры, в котором сформировались его значения и смыслы, и включены в иной пространственно-временной континуум, к которому принадлежит исследователь. Ситуации, характерные для гуманитарных наук требуют специальных познавательных процедур. Среди

них решающее значение приобретает реконструкция и интерпретация текста, взаимно переходящие друг в друга. Любой текст чужеродной культуры предстает перед исследователем как такой фрагмент, многие связи которого с контекстом утрачены или непонятны. А иногда утраченным оказывается сам контекст, то есть понимание культур в целом. Однако в любом случае уже наличие одного текста дает основание предполагать существование культурного контекста, фрагментом которого он является, или других его фрагментов. Первоочередной задачей гуманитарного научного познания оказывается реконструкция текста. Это предполагает восстановление его структуры и смысла в контексте породившей его культуры и преобразование их в соответствии со стереотипами восприятия современной культуры, ибо только на этой основе возможно их понимание. В определенном плане исследователь оказывается осведомленной непосредственных участников культурного диалога. Ведь, помимо искомых структур и смысла исследуемого текста, он владеет изоморфными структурами и смыслами своей культуры. Последние служат основанием для сравнительного анализа, для понимания проблемы в целом. Все это является объективными предпосылками научно обоснованной реконструкции текста.

В гуманитарных науках интерпретация текста строится на основе исследовательских программ, под влиянием парадигмы научного знания, принятой сообществом ученых. Но не в последнюю очередь ее познавательная ценность зависит от личностного знания ученого. Здесь включаются его способности, связанные с проникновением в контекст чужеродной культуры, с продуктивным воображением, главным здесь является способность по фрагменту воссоздавать целое (контекст культуры). Понятое целое, в свою очередь, становится объяснительным основанием этого фрагмента (текста). Чужеродность текста ставит исследователя в проблемную ситуацию, аналогичную принципу «отчуждения». Поэтому он может увидеть в тексте больше, чем современники, в частности, его «странность», «инаковость» по сравнению с текстами своей культуры. Таким образом, в результате проблемного (направленного) истолкования текстов разных культур происходит не только реконструкция и смысла исходного текста, но и образование новых смыслов, которые позволяют ввести его в контекст современной культуры, обогащая мир человека. Этот эффект гуманитарного познания Бахтин характеризует как «возрастание смысла».

Во втором параграфе "Язык науки" отмечается, что среди мыслительных течений, с которыми связано становление герменевтического подхода к языку, нужно назвать идею трансцендентальной философии. Идея трансцендентальной философии принадлежит, как известно Канту, который относил к ее задачам анализ способности нашего познания, поскольку оно возможно *a priori*.

Трансцендентальная философия должна заниматься анализом всеобщих и необходимых условий познания. Эта идея, на наш взгляд, уже противоположна декартовскому идеалу суверенного субъекта, поскольку предполагает анализировать то, что во время анализа продолжает присутствовать в сознании

субъекта и детерминировать его. Правда, с точки зрения Канта и трансценденталистов XIX века язык не может быть предметом трансцендентальной философии, он имеет отношение как паз к эмпирическому субъекту. В качестве всеобщих условий опыта Кант рассматривает лишь то, что относится к самому чистому сознанию – доопытные формы восприятия и рассудка. Но его идея может быть распространена и на те условия опыта, которые выходят за пределы абстракции чистого сознания, в том числе и на язык. Осознание сущности языка, его роли как всеобщей среды опыта было для философии последнего столетия одной из составляющих осуществленного ею пересмотра идеала суверенного субъекта философии Нового времени. Начиная с XIX века философия выявляет различные аспекты человеческого бытия, первичные по отношению к мышлению и познанию, детерминирующие его и не снимаемые в результате рефлексии над ним. Шопенгауэр, Фейербах, Киркегор, Маркс, Ницше, Фрейд и другие внесли вклад в это движение. Те внепознавательные детерминанты познания, которые раскрывают эти философы (воля, проблемы и противоречия индивидуального человеческого существования, экономические интересы и т.д.), можно рассматривать как новые всеобщие условия опыта. Проводя подобный анализ однако, необходимо помнить о его трансцендентальном характере – он не дает возможности избавиться от выявляемых детерминаций самому субъекту анализа, они продолжают воздействовать на него, именно в русле такого движения осознается в конечном счете роль языка как среды человеческого опыта.

В этой ситуации даже обращение сциентистской по своей мировоззренческой ориентации аналитической философии к языку несло в себе трансцендентальный смысл, лишь постепенно раскрывшийся. «Лингвистический поворот» был, выражением эмпиризма и антиментализма (знание эмпирически существует как набор предложений языка). Но уже такая постановка вопроса делала язык всеобщим условием любого знания. И представления об отношении языка к действительности Витгенштейна, значительно отличались от расселовских. Хотя Витгенштейн развивает ту же «образную» теорию языка: предложение – образ действительности, логический образ положения вещей, конфигурация простых знаков в нем соответствует конфигурация объектов в положении вещей – поэтому в предложении должно быть ровно столько различных частей, сколько их есть в положении вещей, которое оно изображает. Тем не менее, говоря о взаимно-однозначном соответствии языка и мира, Витгенштейн в отличие от Рассела явно имеет в виду «мир языка». Знаменитая фраза «Границы моего языка означают границы моего мира» ясно говорит о том, что первично во взаимоотношениях языка и реальности.

Для Витгенштейна большое значение имеет различие между тем, что может быть сказано, и тем, что может быть лишь показано. Образ изображает реальность, но не собственную форму ее представления. Последняя может быть лишь показана. Нельзя сказать, каковы значения предложений, как язык представляет мир; предложение показывает, а не изображает логическую форму действительности. Логика трансцендентальна. То о чем нельзя сказать,

образует сферу невыразимого. Кроме логической формы к ней относится субъект (как «граница мира»), но разговор о невыразимом как мистическом противоречит логике языка, правда, признавая трансцендентальность логической формы языка, Витгенштейн отнюдь не приветствует трансцендентальное философствование. Напротив, правильным методом философии, с его точки зрения, было говорить лишь то, что может быть сказано ясно, и молчать о том, о чем невозможно говорить.

Находящаяся под воздействием поздних идей Витгенштейна аналитическая философия постепенно преодолевает односторонне логический подход к языку. Язык исследуется в его взаимодействии с формами жизнедеятельности, например, в теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Популярным становится вообще «лингвистическое переосмысление онтологии»; анализ языкового указания и структуры предложения рассматривается как способ уточнения, решения или элиминации онтологических проблем традиционной философии, из него выводится содержание понятий «вещь», «свойство» и т.д. «Онтология резюмирует филологию» - эпиграф, взятый Куайном к книге «Слово и объект», кратко и исчерпывающим образом формулирует основную идею такого подхода.

К важнейшим чертам концепции языка как всеобщей среды человеческого опыта нужно отнести отказ от преимущественного сопоставления языка с мышлением: если язык – среда любого опыта, то его нужно сопоставлять с сознанием человека в целом. Отсюда – внимание к проблемам «язык – восприятие», «язык – эмоциональное переживание» и т.п. Кроме того, данная традиция говорит о невозможности исследовать язык извне, с некоторой внеязыковой позиции оценить его влияние на мышление и восприятие, его отношение к действительности. Из этого вытекает наша принципиальная неспособность превратить язык в послушное, контролируемое нами орудие. С этим связано отношение к формализации как к частичному и относительному явлению, которое также не делает язык простым орудием.

Наиболее радикальным представителем подобного подхода к языку является Хайдеггер. Характерное для новоевропейской метафизики инструменталистское отношение к языку он считает одним из проявлений забвения бытия метафизикой, ее погруженности в сущее на господство над последним. Под властью метафизики субъективности язык оказывается орудием господства над сущим.

Хайдеггер предлагает философскому мышлению противоположный по сравнению с наукой маршрут в отношении языка: вместо целенаправленного конструирования нужного языка слушать данный нам язык, в котором говорит бытие и истина. Язык в его концепции, несомненно, трансцендентален, так как является условием всякого опыта постижения мира, в нем содержится круг пред-данных интерпретаций, в которых движется любое человеческое понимание и самопонимание. Из-за невозможности оказаться вне языка не может быть и речи об окончательном прояснении взаимоотношений языка и мира. Язык делает человека человеком. Обсуждать язык значит не его, а нас самих привести к его сущности. Язык нельзя обосновать чем-то иным, чем он

сам. Помыслить язык, значит вступить в говор языка, где он проговаривает нам свою сущность.

В третьем параграфе "От естественнонаучного к гуманитарному стилю научного мышления" отмечается, что понятие "стиль научного мышления" стало привычным в современных философско-методологических текстах. Интерес к этому понятию возрос с усилением общей тенденции в философии и методологии науки к рассмотрению процессуальных характеристик научного познания, с перемещением акцентов от анализа структуры научного знания к анализу его развития. Понятие "стиль", ранее используемое в искусствоведении, литературоведении, теории архитектуры и других областях гуманитарного знания, теперь прочно ассимилировано философско-методологической рефлексией благодаря его способности "схватывать" важные характеристики различных исторических периодов в науке, сравнивать их между собой и тем самым выявлять направление их эволюции.

Уже на интуитивном уровне понятие стиля применительно к научному мышлению выглядит как способ соединения субъективных и объективных сторон процесса научного познания в целостное представление: как работает наука в данный исторический период, каковы отличительные особенности ее работы. Такое представление иногда передавалось в метафорах "дух времени в науке", "лицо науки", "тип рациональности" и им подобных. В ряд таких метафор можно было бы поместить и "стиль научного мышления". Поэтому понятно стремление некоторых авторов придать понятию "стиль научного мышления" более привычный методологический статус, то есть по возможности более строго определить его.

Конструирование стиля из множества регулятивов научного познания может осуществляться различным образом. Тот или иной элементарный состав множества, то или иное распределение элементов как основных или второстепенных, вычленение одного или нескольких элементов "ядра" как стилеобразующих определяются действием на данное множество сплошной системы детерминирующих факторов. Одни из таких факторов выясняются в методологическом анализе, другие лежат вне компетенции методологии. Одновременное воздействие различных детерминации может приводить к тому, что актуализируются различные стили (либо по составу элементного множества, либо по способу образования системы из этих элементов).

Уже здесь можно отметить, что всякое рассуждение об эволюции стиля научного мышления всегда означает принятие определенного способа реконструкции реальной истории науки, позволяющего так или иначе выделить доминирующие стили и связать с ними те или иные исторические периоды в науке. Только в пределах такой реконструкции можно говорить, например, о современном стиле как о существенном признаке развития научного познания.

В вопросе о стилях научного мышления наиболее интересны и трудны вопросы об особенностях, основных характеристиках современного стиля научного мышления. Для современного этапа развития познания весьма характерен вероятностный, статистический, системно-структурный стиль мышления. В настоящее время происходит становление многих обобщающих

идей, которые придают глубокое внутреннее единство динамике научного знания. Разрабатываются обобщающие идеи, связанные с анализом принципиального содержания методов теории групп и идей симметрии.

В социологическом и социально-психологическом измерениях стиль научного мышления предстает как система регулятивных средств науки, принятая данным научным сообществом, коллективным субъектом научного познания; эта система выступает как совокупность стереотипных, осознанно или неосознанно признаваемых членами сообщества предпосылок научно-познавательной деятельности. В качестве таковой эта система подвергается действию личностно-психологических факторов, которые взаимодействуют между собой, эти факторы могут рассматриваться как компоненты стиля. Важно также, что стиль научного мышления в этих измерениях сказывается и на формах социальной организации науки.

Опираясь на идеи Гуссерля и Хайдеггера автор отмечает, что философия Нового времени определена тем, что вся традиционная проблематика рассматривается в ней под углом зрения естественных наук, а воплощением научности становится математическое естествознание. Такая философия односторонне взирает на существо человека, она видит в нем или разумное животное, или усматривает в его существе только телесность. Отсюда - необходимость поиска новых подступов, новых путей к разрешению основной загадки философского вопрошания - определения существа научной истины.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Основное содержание диссертации изложено:

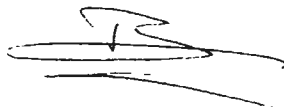
1. Борсяков Ю.И. Тожество и различие гуманитарного и естественнонаучного процесса познания. Воронеж. Научная монография. 1998.- 92.с. 6,75, п.л.
2. Борсяков Ю.И. Границы применимости методов гуманитарных наук в естествознании// Научные труды МПГУ, Серия: социально-исторические науки. М. 2000. с. 402-405. 0,4. п.л.
3. Борсяков Ю.И.Специфика гуманитарного познания// Культура как способ бытия человека в мире. Томск. 2000. с. 166-168. 0,4. п.л.
4. Борсяков Ю.И. Проблема взаимодействия естественнонаучных и гуманитарных форм знания// Философия. Культура. Управление. Сборник научных статей. М. 1999. с. 21-32. 0,65. п.л.
5. Борсяков Ю.И.Психолого-педагогические основы единства естественнонаучной и гуманитарной культуры в подготовке современного специалиста// Проблемы развития общества и образования. Сборник научных статей, Воронеж, 1998, с. 20-29. 0,6. п.л.
6. Борсяков Ю.И. Специфика гуманитарного познания в философском творчестве Г.Г. Шпета// Отечественная философия: русская, российская всемирная. Материалы 5 Российского симпозиума историков русской философии. Нижний Новгород. 1998. с. 132-135. 0,3. п.л.

7. Борсяков Ю.И. Проблема человека в системе естественнонаучного знания// Новые идеи в философии. Сборник научных статей. Выпуск 5 Пермь. 1996. с. 50-56. 0,6. п.л.
8. Борсяков Ю.И. Духовные искания интеллигенции в России// Нравственный императив интеллигенции: прошлое настоящее будущее. Иваново. 1998. с. 61-63. 0,3. п.л.
9. Борсяков Ю.И. Единство естественнонаучного и гуманитарного знания// Илиадиеские чтения. Курск. 1998. с. 73-76. 0,4. п.л.
10. Борсяков Ю.И. Духовные основы мировоззрения человека// Народное мироусвоение: народный опыт, народная культура. Нижний Новгород, 1998. с. 57-58. 0,2. п.л.
11. Борсяков Ю.И. Материальное и духовное в современном обществе// Новые идеи в философии. Сборник научных статей. Выпуск 6. Пермь, 1997. с. 97-103. 0,5. п.л.
12. Борсяков Ю.И. Единство естественнонаучной и гуманитарной культуры в подготовке современного специалиста// Образование XXI век: гармонизация образования - формирование одухотворенной личности. Воронеж. 1997. с. 351-353. 0,3. п.л.
13. Борсяков Ю.И. Духовные начала в русской философии// Россия, восток, запад: диалог культур. Хабаровск. 1997. с. 39-41. 0,3. п.л.
14. Борсяков Ю.И. Устарел ли сегодня спор западников и славянофилов? // Судьба России: альтернативы развития. Часть 1. Нижний Новгород. 1997. с. 130-132. 0,3. п.л.
15. Борсяков Ю.И. Духовный кризис современного общества// Философия в системе духовной культуры на рубеже XXI века. Курск. 1997. с. 62-64. 0,3. п.л.
16. Борсяков Ю.И. Субъективная составляющая гуманитарного познания// Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. Воронеж, 1996. с. 54-56. 0,3. п.л.
17. Борсяков Ю.И. Роль индивидуального обучения в организации самостоятельной работы студентов// Планирование и формы организации самостоятельной деятельности студентов в вузе. Воронеж. 1996. с. 73-75. 0,3. п.л.
18. Борсяков Ю.И. Человек в квантово-физической картине мира // Человек в научной и философской картине мира XXI века. Часть 1. Курск. 1996. с. 43-45. 0,3. п.л.
19. Борсяков Ю.И. О роли научной картины мира в философии и методологии науки// Наука и философия на рубеже тысячелетий: перспективы и горизонты. Курск. 1995. с. 42-43. 0,2. п.л.
20. Борсяков Ю.И. Понятие естественнонаучной картины мира в системе философского и научного знания// Научные понятия в учебно-воспитательном процессе школы и вуза, Челябинск. 1995. с. 14-15. 0,2. п.л.
21. Борсяков Ю.И. Проблема человека в научной картине мира (в свете антропного принципа). Рукопись депонирована в ИНИОН РАН, №47987 от 29,04,93. 39. с. 2,5. п.л.

22. Борсяков Ю.И. Гуманистический подход к пониманию сущности человека // Гуманизация идеалов и ценностей в профессиональной подготовке учителя. Вологда. 1992. с. 6-8. 0,3. п.л.

23. Борсяков Ю.И. Антропологическая составляющая картины мира // Научная картина мира как феномен культуры. Уфа. 1992. Часть 2. с. 60-62. 0,3. п.л.

Общий объем публикаций по теме диссертации: 23 работы, 16,75 п.л

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized, cursive letter 'B' with a horizontal line extending to the right and a small loop at the top.

Подп. к печ. 21.06.2001   Объем 2,25 п.л.   Зак. 236   Тир. 100
Типография МПГУ

2-